

Соотечественники

Рос. газета. - 1992. - 25 февр. - с. 6.

1992 год объявлен ЮНЕСКО годом Марины Цветаевой, великой русской поэтессы (1892—1941). Журналист Феликс Медведев встретился в Вене с известной исследовательницей жизни и творчества Цветаевой — графиней Марией Разумовской, автором книги «Марина Цветаева. Миф и действительность».

...Дверь как дверь, звонок как звонок, только вот странно, что на всех жильцов огромного пятиэтажного дома — одна сигнальная кнопка. Зуммер, толкаю дверь, вхожу в подъезд. И сразу же попадаю в мир русской архитектуры, интерьера, старинных картин. Поднимаюсь по лестнице мимо ряда огромных полотен с изображениями людей в одеждах двухсотлетней давности. Мрамор, светильники, анфилада комнат. Сопровождаемый хозяйкой, прохожу в зал, сажусь в кресло, осматриваюсь. И снова — русские книги, старинная утварь, мебель, люстры. Дворцовая обстановка.

Графиня Мария Андреевна Разумовская — владелица этого дома, прямая наследница знаменитого русского графа, ученого, дипломата, одного из богатейших людей России Андрея Кирилловича Разумовского.

— Мы с братом, — говорит Мария Андреевна, — прямые потомки Разумовских. В Австрии? Нет, вообще в мире, включая Россию! А было так. Направленный в Австрию послом — это было в конце XVIII века — Андрей Кириллович остался в Вене навсегда. Он был два раза женат. В Австрию переселился и младший брат графа — Григорий Кириллович, женившийся также на австрийке. И он тоже остался в Вене. Таким образом, в России «настоящих» Разумовских не осталось. А в Австрии, наоборот, они приумножились, потому что у Григория было потомство. Вот так мы и живем здесь двести лет.

Моя мать — русская. Отец — австрийский офицер, во время первой мировой войны попавший в плен к русским. Просидев три года военнопленным, выучился русскому. Вернувшись сюда, он познакомился с девушкой-беженкой, присматривавшей за детьми его сестры. Девушка-эмигрантка оказалась из знаменитой европейской семьи Сайн-Витгенштейнов. Это была моя будущая мать, потому что отец полюбил ее. Мать умерла в 1983 году, в 87-летнем возрасте, успев с помощью Солженицына выпустить свой дневник 1914—1918 годов (частично опубликован в

«Юности» № 12 за прошлый год).

...Стихами Цветаевой Мария Разумовская «заболела» давно.

Первое издание ее книги «Марина Цветаева. Миф и действительность» вышло на немецком языке в 1981 году (русский перевод — Лондон, 1983). По тем временам у нас еще запретной была тема судьбы мужа поэтессы Сергея Яковлевича Эфрона, за-

Мария и Марина

вербованного НКВД во Франции и участвовавшего в знаменитом убийстве разведчика Рейсса. Мария Разумовская впервые сообщила читателям сведения на эту тему, почерпнутые ею в Швейцарии из подшивки газеты «Нойцурштайтунг цу штюрд», подробно освещающей ход этого дела. А в библиотеке Базельского университета — это тоже в Швейцарии — работала с архивом Цветаевой. Известно, что профессор русского языка и литературы Базельского университета Елизавета Малер — подруга Марины Ивановны — взяла на себя хранение части ее архива. Вот он и оказался в Базеле. Кстати, именно оттуда пошли по свету циклы стихов поэтессы под названием «Лебединый стан» и «Перекоп». Мария Андреевна рассказала мне, что когда первый издатель этой рукописи Глеб Струве при содействии Малер получил фотокопию и собирался ее издать, то его попросили не делать этого в интересах дочери Цветаевой и Эфрона, Ариадны Сергеевны Эфрон, проживавшей тогда в Москве. Почему? Само название этой вещи «Перекоп» говорит за себя. Марина Ивановна слишком уж сочувственно относилась к белому движению, к тем войнам, среди которых был и ее муж.

На кортике своем:

Марина —
Ты начертал,
встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей
великолепной жизни.

Я помню ночь
и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике
храню погоны.

Помимо работы в архивах, М. Разумовская общалась с людьми, знавшими Цветаеву. Один из них — блистательный литератор Марк Слоним. Уже больной и старый, он жил тогда в Женеве, многое

Что случилось бы с ней при немцах — сказать трудно, хотя предположить можно. Мы знаем о ее отношении к фашизму из цикла «Стихи к Чехии»:

О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!

Что бы с ней сделали немцы, можно только предполагать. Но думаю, что в любом случае она была обречена на страшную судьбу.

— А что вы думаете о сыне Марины Ивановны, Георгии Эфроне? Я от некоторых слышал, что именно он стал во многом причиной ее самоубийства...

— Что можно сказать о шестнадцатилетнем мальчишке, избалованном безумно любящей мамой и делающей для него все? Если и были у него грехи, то своей смертью на фронте он искупил их.

...Итак, я шел «всего лишь» к автору книги о любимой поэтессе, а встретился с наследницей старинной русской фамилии, владелицей родового имения в самом центре австрийской столицы. Неожиданный, но приятный сюрприз.

Дом Разумовских всегда был открыт для русских людей. Особенно гостеприимным он был, когда были живы родители Марии Андреевны. Именно эта семья едва ли не первой из уст Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской узнала о том, что они решили не возвращаться в Россию. К ним приходили и те многие из третьей волны эмиграции, которые, сидя в Вене, пропуском пункте в Израиль, Америку и Европу, ожидали своей участи.

На прощание, уже в дверях, Мария Андреевна попросила меня:

— Посмотрите, не сохранился ли наш родовой герб на фронтоне церкви у Покровских ворот. Это та самая церковь, в которой, по преданию, венчались Алексей Разумовский и императрица Елизавета.

По приезде я сразу же пошел к бывшему храму Введения, что в Барапах. Внимательно осмотрел фасад здания. Родового герба Разумовских не нашлось. Утешает лишь то, что за тысячи верст от Москвы живет семья, чья фамилия навсегда занесена в святцы истории России.

Феликс МЕДВЕДЕВ.